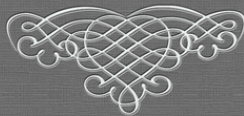

М. А.
БЕКЕТОВА

Избранное

Мария Андреевна Бекетова

Веселость и юмор Блока

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3021605

Аннотация

«Читатели Блока обыкновенно представляют его себе печальным человеком, жившим в особом мире, далеком от простых и обыденных радостей жизни. В стихах его изредка проявляется юмор, но веселости нет и следа. А между тем в живом, настоящем Блоке было много светлого юмора и самой непосредственной, детской веселости...»

Содержание

Мария Андреевна Бекетова

Веселость и юмор Блока

Читатели Блока обыкновенно представляют его себе печальным человеком, жившим в особом мире, далеким от простых и обыденных радостей жизни. В стихах его изредка проявляется юмор, но веселости нет и следа.

А между тем в живом, настоящем Блоке было много светлого юмора и самой непосредственной, детской веселости. Очень странно читать близко знавшим Блока, что до знакомства с ним Андрей Белый представлял его себе болезненным, хилым юношей и был поражен и даже разочарован, увидав здорового, сильного и красивого человека, да еще в хорошо сшитом платье и со спокойной манерой себя держать. Все это совершенно не соответствовало его представлению о поэте-мистике, погруженном в заоблачные миры. Ведь то было время «Стихов о Прекрасной Даме».

Познакомившись с Блоком, А. Белый узнал его с новых сторон, но кажется мне, что при всей тонкости его проникновений в душу Блока и при всей духовной близости обоих поэтов он так и не увидел в Блоке того, что особенно бросалось в глаза в интимном кругу. Блок был прежде всего ребенок – простодушный, невинный и милый.

В своей речи о символизме, прочитанной в Обществе ревнителей художественного слова (8 апреля 1910 г.), он поста-

вил такую программу: «Художник должен быть трепетным в самой дерзости, зная, чего стоит смешение искусства с жизнью, и оставаясь в жизни простым человеком». Этот завет свой он и исполнил. Он был в жизни простым человеком. «Но есть неистребимое в душе, там, где она младенец», – говорит он в другом месте той же речи. В его душе это «неистребимое» было особенно сильно и проявлялось и в ясности его улыбки, и в умении радоваться всяким житейским пустякам, а также солнцу, шуткам, да еще в умении играть и шалить, которое было ему в высшей степени свойственно...

Последнее, т. е. склонность к играм и шалостям, должно особенно поразить читателей Блока. Для них и юмор его нечто новое, почти незнакомое. Правда, в стихах своих Блок был всегда серьезен. Он ведь считал, что «служенье муз не терпит суеты». Даже появляясь на эстраде, когда приходилось ему читать свои стихи, он давал сразу всем торжественным видом своим тон высокого строя, не изменяя обычной своей простоте.

Шалил он только в шуточных стихах и в пародиях, часть которых известна по книге Чуковского («А. Блок как человек и поэт»). В моей книге «Блок и его мать»¹, которая вскоре появится, приведено одно из его шуточных стихотворений, присланное мне в деловой записке в то время, когда он готовился к экзамену еще на II курсе юридического факультета. Привожу его в виде образчика:

---

¹ Настоящая статья написана до выхода книги «Блок и его мать».

Права русского историю
Уподоблю я громам,
Что мешают мне на взморье
Уходить по вечерам.

Впереди ж (душа раскисла!)
Ждет меня еще гроза;
Статистические числа,
Злые Кауфмана глаза...

Мая до двадцать второго
Не «исхичу я из тьмы»
Имя третьекурсового
Почитателя Козьмы.

Это написано 26-го апреля 1901 года.

Юмор Блока проявлялся, кроме шуточных стихов и пародий, в шаржах и карикатурах. Шаржи бывали связаны или с литературой, или с театром. Мне запомнился один случай из того времени, когда Блок был еще гимназистом или студентом-первокурсником, в ту пору, когда он увлекался декламацией и мечтал о сцене.

Однажды он зашел вместе с матерью в гости к деду и бабушке, которые жили вместе со мной. Побывав на их половине, он пришел ко мне, а у меня в гостях была моя старая приятельница, знавшая Блока с самого детства. Тут ему вздумалось поиграть в декламацию. Он прочел целиком на-

изусть некрасовскую «Больницу». <...> Читая, Блок впадал то в слезливость, то в мелодраматизм. Его интонация, позы и жесты были до того уморительны, что мы все помирали со смеху, а моя гостья, особа отнюдь не литературная, совсем устала от смеха и только слабым голосом повторяла: «Ах, Саша, какой ты комик». Все это проделывал он не ради эффекта декламации, а просто от игривого настроения и бродившей в нем актерской жилки. А как изображал он возлюбленного Василия Пантелеевича Далматова! Удачные моменты его игры он не трогал, но зато неудачные, когда он рычал, цедил сквозь зубы и выпаливал отдельные слова, он уловил в совершенстве и одно время беспрестанно вставлял в свою речь далматовские фразы с его интонацией. Очевидно, это обстоятельство и ввело в заблуждение его двенадцатилетнего кузена Георгия Блока, который в своих воспоминаниях, написанных уже в зрелом возрасте («Герои „Возмездия“. – „Русский современник“, 1924, N 3), говорит, что Блок подражал декламации Далматова. Это было не подражание (сам он декламировал совершенно иначе), а именно шарж, пародия на Далматова. Случаев, подобных этому, было много.

Сохранилось немало талантливых карикатур Блока на него самого, на Любовь Дмитриевну, на Андрея Белого и др. Я выберу из них те, которые легко писать и не надо расшифровывать, так как они понятны без всяких объяснений.

На одной из них изображен Андрей Белый со стоящими дыбом волосами, в застывшей позе над столом с книгами

ми. Внизу подписано: „А. Белый, читающий люциферианские сочинения Риля и Когэна“. На другой карикатуре, еще более верно схваченной, А. Белый нарисован в профиль и во весь рост, очевидно, говорящий. Под ней подписано: „А. Белый, рассказывающий маме о гносеологических эквивалентах“. Обе карикатуры намекают на факты, происходившие в 1905–1906 годах, и, очевидно, тогда же и нарисованы.

Одна из лучших карикатур изображает Люб. Дм. у Мережковских. Сама она в виде маленькой девочки в детском платье держит в руках знамя и возглашает: „Нельзя говорить о религии“, – а к ней подходят трое: длинный и корректный Философов с портфелем под мышкой и большим крестом в руке, за ним З. Н. Гиппиус, узнаваемая по крайней худобе, папироске и всклокоченной прическе, и, наконец, сам Мережковский – очень маленький, с большой головой и с небольшим крестиком в руке. У всех троих над головами нимбы. Эта карикатура относится к 1909 году, когда у Мережковских устраивались на дому маленькие религиозно-философские собрания, на которых бывали и Блоки.

И в жизни, и в карикатурах Ал. Ал. любил подчеркивать детские черты Люб. Дм., которые хорошо знакомы близко знающим ее людям.

Остальные карикатуры не стоит описывать, их нужно видеть.

Из литературных шаржей я возьму самый удачный, сохра-

ненный матерью Блока <...>²

Покидая карикатуры и шаржи, перехожу к самому главному, т. е. к детским шалостям Блока. Начну с того, что Блок на людях и у себя дома в интимном кругу – это два разных человека. Надо еще заметить, что он необыкновенно быстро переходил от одного настроения к другому, и потому легко могло случиться, что утром или днем он напишет самое мрачное стихотворение, а к вечеру развеселится и начнет шалить. Эта непосредственная, простая веселость родила его с животными, которых он так нежно любил, проводя часы в играх и разговорах с ними. Недаром говорит он в предисловии к „Нечаянной Радости“: „Пробудившаяся весна выводит на лесные опушки маленьких мохнатых существ. Они умеют только кричать „прощай“ зиме, кувыркаться и дразнить прохожих. *Я привязался к ним только за то, что они – добродушные и бессловесные твари, – привязанностью молчаливой, ушедшей в себя души, для которой мир – балаган, позорище*“. Все эти чертенята из „Пузырей земли“ (отд. „Нечаянной Радости“) трогательны в своей добродушии и смирении.

Те же черты, т. е. добродушие, простодушие и бессловесность, ценил Блок и в животных. Да он и сам способен был „кувыркаться и дразнить прохожих“.

О проявлениях этой простой веселости я попытаюсь те-

---

² Далее в тексте следует шуточная программа журнала „Новый путь“ (см.: А. Блок, VII, 441–442). – *Сост.*

перь рассказать, хотя это очень и очень трудно.

Передать шутливый тон и манеру Блока, когда он был весел и не стеснялся, почти невозможно. Дело было тут не в словах, а в тех шаловливых жестах и минах, к которым он прибегал вместо речи. Это был клоунский юмор в соединении с неудержимой потребностью!» шалить и некоторой хитростью избалованного ребенка, отделяющегося забавными выходками от всего того, что ему лень или не хочется делать. Между прочим, Блок любил шалить и дурачиться на улице, в модных курортах и т. д., словом, там, где ходит чинная или занятая публика. Тут, конечно, играл роль и дух противоречия. Вел он себя в таких случаях так, что можно было принять его или за сумасшедшего, или за пьяного. Так, еще в первый год замужества Люб. Дм. имела неосторожность пойти вместе с ним в Гостиный двор. Вскоре хождение по лавкам ему надоело, и он начал дурачиться. Внезапно подняв руки вверх как бы в порыве необычайного удивления или негодования, он бросился бежать по одной из линий Гостиного двора, крича с безумным, отчаянным видом: «Вельветин!» Люб. Дм., ужасаясь и хохоча, пыталась его образумить и с тех пор уже закаялась брать его с собой в такие места. Подобные случаи повторялись много раз в жизни Блока также и в зрелом возрасте. Впрочем, мотивы его шалости были очень разнообразны и всегда неожиданны. Из многочисленных эпизодов, оставшихся у меня в памяти, я приведу лишь те, которые поддаются описанию. Их всего три, и все

они происходили в Шахматове, где шаловливый дух Блока проявлялся особенно ярко. Первый – произошел в 1904 году, когда мать шила ему белую русскую рубашку, разукрашенную вышивками. Шить рубашку косоворотку так, чтобы она хорошо сидела, дело совсем нелегкое. Приходилось несколько раз примерять ее, чего Ал. Ал. терпеть не мог. Тут же присутствовали и мы с Люб. Дм. Как известно, во время примерки надо стоять спокойно. Он же все время делал усиленную гимнастику руками, плясал на месте и т. д., словом, так мешал матери, что ему угрожали еще одной примеркой, от которой он уклонился особым способом. Мать и жена что-то долго совещались насчет рубашки, а Саша ушел в свою комнату. Когда же его позвали, он не откликнулся. Вошли к нему и что же увидели? Окно открыто, а на диване сидит большая кукла, изображающая Сашу. Она была грубо, но талантливо сделана из белой подушки, стянутой веревкой на месте талии. Поверх этого туловища было накинуто Сашино летнее пальто, а шляпа его, надетая на палку, создавала иллюзию головы. Самого же его, конечно, и след простыл, он давно выскочил в окошко.

Второй эпизод был в другом роде. Как-то осенью сидели мы вечером в гостиной большого шахматовского дома. Нас было четверо: Ал. Ал., его мать, Люб. Дм. и я. Недавно шел дождь. Трава, кусты и деревья были мокрые, но время тихое. Ал. Ал. был весел, а под конец, когда собрался уходить с женой в свой флигель, стоявший по ту сторону двора, на него

нашел особенно шаловливый стих. Он разыграл целую сцену. С деловым видом, как бы совершая что-то очень нужное и важное, он молча и торопливо начал прибирать разные вещи, делая все наыворот и производя полный беспорядок. Так он, к ужасу нашему, схватил стенную лампу и поставил ее в совершенно неподходящее место; пыхтя и что-то бормоча про себя, взял тяжелое старинное кресло и водрузил его на стол. Мы вскрикивали от страха, что он уронит, разобьет или сломает ту или другую вещь. Но он ничего не испортил, а только перевернул вверх дном всю комнату и все это с такой невозмутимой серьезностью и с таким видом, что мы хохотали до слез. Покончив с этой своеобразной уборкой, он вышел из комнаты, но тут началось новое представление. Он делал вид, что не может идти, валился или садился на пол в беспомощных позах, а Люб. Дм. должна была его поднимать, подталкивать и тащить. Обессилен от смеха, она с трудом ворочала его тяжелую фигуру. Когда они добрались до передней и таким же порядком выкатились из двери, он сначала уселся на ступени крыльца, а потом стал с размаху тыкаться головой и всем телом в мокрые от дождя шторы шиповника и сирени. Так шли они спотыкаясь, через весь двор, и долго еще раздавался смех Люб. Дм. Вероятно, Саша придумал новые штуки, которых мы с его матерью уже не видали. Прodelывал он все это почти молча, но с таким комизмом и такими неожиданными выдумками, что ему мог позавидовать любой клоун.

Третий эпизод особенно интересен тем, что он происходил осенью 1910 г., в то самое лето, когда перестраивался шахматовский дом. Ал. Ал. был измучен и переутомлен заботами о хозяйстве и стройке, а кроме того, нервная болезнь его матери настолько усилилась, что пришлось отправить ее в санаторий. Она вернулась оттуда в начале июля, как только можно было въехать в обновленный дом, но мало поправилась, а новизна впечатлений и обстановки еще хуже подействовали на ее нервы. Болезненное состояние матери сильно влияло на Блока и раздражало Люб. Дм. Были и другие причины, создавшие ряд столкновений между женой и матерью Ал. Ал. Все это вместе создало крайне тяжелую и тревожную атмосферу.

Приезд в Шахматово Евгения Павловича Иванова в день именин Люб. Дм., 17 сентября, разрядил воздух. Вечером этого дня в гостиной большого дома собралось все наше общество, т. е. Ал. Ал., его мать, жена, Евг. Павл. и я. Семья сестры Софьи Андреевны еще весной переехала в свое имение по соседству от Шахматова. Настроение было мирное, без обычной в ту пору напряженности и тревоги. Этого было достаточно, чтобы Ал. Ал. пришел в веселое настроение, что проявилось различными шаловливыми выходками. Евг. Павл. просил меня поиграть на рояле. Я села за старое наше рiаносагге, издававшее слабые и дребезжащие звуки, и заиграла что-то очень хорошее. Сама я дополняла воображением недостатки инструмента и своего исполнения, но слу-

шататели мои вряд ли могли быть удовлетворены этой музыкой, а потому и неудивительно, что немного погодя я услышала за своей спиной какие-то шорохи и сдержанные звуки. Оборачиваюсь и вижу: все сидят на большом диване и с трудом, очевидно, боясь меня обидеть, удерживаются от смеха, а Саша устроил игру с диванными валиками и проделывает с ними тысячу глупостей, говоря, что это его детки «Гога» и «Магога». Он их баюкал, разговаривал с ними, укладывал их спать и т. д. Все это с полной серьезностью и невинностью. Разумеется, я прекратила игру и присоединилась к общему веселью. Нельзя было не хохотать, глядя на эти проделки. Отличительной особенностью всех этих шуток и клоунад Блока была полная непосредственность и изобразительный, несомненно, актерский дар.

И это тот самый Блок, который писал «Ночные часы» и «Седое утро»? – скажут читатели. Да, тот самый. Надоело мне слово «многогранность», но ничего не поделаешь. Приходится сказать, что Блок был бесконечно многогранен и сложен. И, кроме поэта с трагическим восприятием жизни, кроме пророка и лирика, в нем сидел еще и ребенок – непосредственный, бесхитростный, шаловливый и веселый. И так было до последних лет его жизни. В 1921 году это уже почти не проявлялось, но и тогда находили на него минуты шаловливого веселья. Так говорила мне его мать. Сама я в тот год его не видала.

Большая часть того, что найдет читатель в этой заметке,

написано по моим личным воспоминаниям. После 1910 года я виделась с Блоком реже, чем прежде, так как зимой мы вообще видались нечасто, а в Шахматове после этого года он не проводил уже ни одного лета сплошь, приезжая лишь на короткие сроки.

И из личных моих впечатлений, и из рассказов матери Блока, и его писем к ней можно сделать один и тот же вывод. Юмор Блока приобретает после 30 лет более глубокий и менее добродушный характер. Он часто переходит в сарказм. Этого злого и меткого юмора много в его письмах к матери из-за границы, писанных в 1911 году, главным образом из Франции (Бретань и Париж). Они известны по моей первой книге. Но невинная, мальчишеская веселость тоже не покидала Блока. Следы ее можно видеть отчасти в его карикатурах, увековечивающих сезон 1910–1911 года. Одна из лучших по замыслу и исполнению изображает Люб. Дм., делающую визит m-me Аничковой³. Соль этой карикатуры, одна из целей которой была подразнить Люб. Дм., может быть понятна только при наличии карикатуры и соответствующих объяснениях, но она проникнута настоящей веселостью и напоминает невинные насмешки Блока над женою, которые ее тогда и смешили и задевали. Рассказы Люб. Дм. о путешествии 1911 года тоже показывают, что Ал. Ал. не раз приходил в шаловливое настроение и смешил ее разными

---

³ М-me Аничкова – литературная и светская дама, писавшая под псевдонимом «Иван Странник» – жена проф. Е. В. Аничкова.

рискованными выходками.

Заканчивая эту заметку, скажу, что с годами та детская веселость и шаловливость, о которой я говорила, все реже и реже возвращалась к поэту. Бывали долгие периоды бесприсветно мрачного и нелюдимого настроения, но все же источник детского смеха не иссякал в нем очень долго. Убить его окончательно могла только последняя жестокая болезнь Блока и первые ее проявления, омрачившие дни его тяжелой и беспросветной печалью.

Январь, 1925 г.

Ленинград, 1930 г.